

Услышав, что голос императора становится всё громче, придворные испугались: император очень редко так сильно выходил из себя, ещё реже он настолько резко делал выговор господину Чэню. Чэнь Пинпин ни капли не изменился в лице и попытался оправдаться:

— По дороге в столицу из-за того, что кое-кто при дворе планировал отбить у нас тайного агента Северной Ци Сы Лили, которая имеет отношение к недавнему делу о покушении на сына семьи Фань, учитывая важность дела, после отправки донесения в столицу я специально ехал по длинному пути, везя эту шпионку обратно в столицу, поэтому и опоздал на два часа.

— Ах вот в чём дело, раз так, оставим это, — тихо согласился император, сначала обострив вопрос с этим делом, а потом мягко закруглив тему.

Министры при дворе сначала удивились до невозможности, подумав, что император, может быть, даже к господину Чэню относится не так уж хорошо, но, увидев решение императора, поняли, что тот использовал опоздание — такое серьёзное нарушение правил при дворе, — чтобы списать всё со счетов. Чиновники сразу же вспомнили об упомянутом Чэнь Пинпином деле Сы Лили. Высокопоставленные люди, впервые услышав о том, что кто-то планировал отбить Сы Лили из-под стражи силой, испытали потрясение, про себя подумав: неужели и правда кто-то могущественный при дворе сговорился с Северной Ци, чтобы посеять смуту в политической обстановке государства Цин?

— Оставим пока дело о Сы Лили, сначала поговорим о том, что прояснилось в расследовании дела о сыне премьер-министра, — император ледяным взглядом посмотрел на Чэнь Пинпина.

Чэнь Пинпин поклонился в инвалидной коляске и глянул на Линь Жофу, потом слегка улыбнулся и сказал:

— Эти два дела в действительности — одно дело.

— Объяснись, — не только император, но и остальные придворные очень заинтересовались, лишь Линь Жофу, казалось, о чём-то подумал, и на его лице появилось очень неприглядное выражение.

— У господина премьер-министра горе, ушёл из жизни сын, кое-что мне лучше бы не произносить. Но, будучи чиновником, перед лицом государя не смею утаивать, прошу государя простить мне непочтительные речи.

— Рассказывай, — нахмурился император.

Чэнь Пинпин сжал иссохшую руку в кулак и, прикрыв им рот, кашлянул несколько раз, и, только выкашляв всю мокроту, он безразлично произнёс:

— Когда убили второго сына премьер-министра Линь Гуна, он был вместе с У Боанем.

— Кто такой У Боань? — снова нахмурился император. — Говори яснее.

У Боань был довольно хорошо известен в официальных кругах столицы. На самом деле в этом зале многие большие чиновники знали его, но в прошлом всегда полагали, что этот советник всё колеблется между наследным и вторым принцем. Кто бы мог подумать, что он сошёлся с сыном премьер-министра. Теперь чиновники бросали взгляды на премьер-министра и невольно беспокоились, в конце концов, он был их коллегой, и если этот безумный пёс Чэнь Пинпин укусит его, то это будет удар по их общей репутации.

Линь Жофу спокойно сидел на круглом табурете с опухшими от слёз глазами и не понимал, о чём здесь беспокоиться.

— Расследуя дело о покушении на сына семьи Фань, я на днях получил признание от Сы Лили, что она от имени Северной Ци связывалась именно с У Боанем, и человеком, который помог втайне провести в столицу стрелков западных варваров, был командир патруля мастер Фан. Когда Сы Лили пытались отбить недалеко от Цанчжоу, то во главе нападавших был дальний родственник мастера Фана, подчинённый военного советника Учжоу Фан Сюй. Если так посмотреть, то устроитель всего этого дела, конечно, У Боань, а Фан Сюй и мастер Фан всего лишь исполнители, отвечавшие за то, чтобы заставить навсегда замолчать свидетеля его сговора с Северной Ци. Что же касается того, кто сжёг трупы стрелков западных варваров прежде времени, то тут нет никаких зацепок.

— Что ты хочешь сказать?

— Мне просто любопытно, почему второй господин Линь перед смертью вдруг оказался в одной беседке в своём поместье у подножья гор Цаншань вместе с советником, организовавшим покушение на сына семьи Фань.

После этих слов чиновники шумно загалдели. Министр ритуалов и церемоний Го Ю первым бросился оправдывать премьер-министра:

— Разве эту Сы Лили не допрашивали под пытками? Она просто укусила первого попавшегося. Допустим даже, что к этому делу причастен У Боань... — он повернулся к императору и повинился: — Я на короткое время встревожился, не вините, государь. Просто из-за того, что этот У Боань двадцать лет назад стал советником, хорошо известен в столице своим талантом, обладал широким кругом друзей, вполне нормально, что второй господин Линь и он оказались вместе. Разве можно из-за этого беспричинно клеветать на умершего? Господин премьер-министр страдает от потери сына, а господин Чэнь ведёт настолько возмутительные речи. Это совершенно недопустимо! Никуда не годится!

Линь Жофу тут поднялся на ноги и, поклонившись императору, скорбным голосом сказал:

— Беспутный щенок занимался волчьими делами, и его постигла беда. Но если говорить, что он не верен государю или замыслил измену, то лучше старым чиновникам оборвать свою речь и замолчать. — Он снова заговорил: — Я видел этого У Боаня, он действительно талантлив.

Однажды я ездил с ним по столице и его везде узнавали и почитали. Если ты друг У Боаня, то сразу имеешь отношение к делу о покушении? Неужели и я за это не смогу избежать осуждения?

— Верно, — покачал головой ещё один министр и сказал: — Я тоже виделся с У Боанем, с виду он очень честный и правильный. Если он оказался низким человеком с сердцем волка и нутром собаки, то какое отношение это имеет ко второму молодому господину Линь? Господин Чэнь, вам надо быть осмотрительнее со словами.

Линь Жофу с взволнованным лицом сказал:

— Если я имею к этому делу отношение, то пусть Небеса отвергнут меня! — видя, какие громкие слова говорит господин премьер-министр, несколько министров вместе с ним встали на колени.

Посмотрев на коленопреклонённых чиновников, император подпёр голову рукой и бросил взгляд на Чэнь Пинпина. В его взгляде была насмешка. Через миг выражение лица императора стало ледяным, он попросил чиновников подняться и строго сказал:

— Чэнь Пинпин уже повинился заранее, к тому же ещё не договорил. Дайте ему сначала сказать.

На собраниях правительства всегда было так: Чэнь Пинпин в одиночестве и против него чиновники все вместе. Чэнь Пинпин спокойно глянул на Линь Жофу и сказал:

— Прошу, господин премьер-министр, умерьте свой гнев, я просто кое-что не понимаю. Контрольная палата тайно обыскивала столицу целые сутки и так и не смогла найти У Боаня, а молодой господин Линь смог оказаться вместе с этим советником в виноградной беседке и вёл разговоры за вином. Конечно, я захотел прояснить эту ситуацию.

— Является ли У Боань тайным подстрекателем этого дела, до сих пор неизвестно, возможно, он просто заранее запланировал со вторым господином Линь отдохнуть в горном имении у Цаншань и насладиться пейзажами. Чэнь Пинпин, это дело мы обсудим позже, — внезапно холодно объявил император, обрывая рассуждения Чэнь Пинпина.

Увидев, что император показал, что останется ждать в стороне, все министры вздохнули с облегчением. Однако слова о том, что об этом деле они поговорят позже, поразили Линь Жофу в самое сердце, его тут же пронзил холод. Он понял: император предупредил его, что не стоит уклоняться от разговора.

Это был своего рода обмен. Хотя о нём не было сказано ни слова, но обе стороны прекрасно поняли, что это за обмен. Линь Жофу верил суждению своего советника Юань Хундао, смерть сына, должно быть, не имела отношения к дому Фань, поэтому он молча принял этот факт. Ведь если Контрольная палата действительно будет раскапывать дело о том, как У Боань

сговорился с Северной Ци и готовил заговор, так недалеко и место премьер-министра потерять.

— Ты сейчас говоришь, что эти два дела по сути одно, в конце концов, это просто одна из версий.

Чэнь Пинпин без какого бы то ни было выражения оглядел чиновников, которые боялись его ледяного взгляда. Некоторые даже невольно начали кашлять. Он тихо сказал:

— Министерство наказаний и палата осмотрели раны умерших и место преступления и пришли к заключению, что убийца — владеющий круговой техникой меча последователь Сы Гуцзяня из города восточных варваров, поэтому мы и сделали вывод, что эти два дела по сути одно.

Услышав имя «Сы Гуцзянь», даже не разбирающиеся в боевых искусствах министры сразу же изменились в лице. Неудивительно, что сначала в рассказах о произошедшем он сказал, что убийца приходил один и беззвучно убил десять мастеров, потратив на каждого лишь один удар. И только выражение лица Линь Жофу не изменилось, похоже, он уже знал об этом.

— Да? — нахмурился император. Хотя он относился с почтением к именам четырёх грандмастеров, но их излишняя свобода и независимость с точки зрения императорской власти всегда была как кость в горле.

— Во время покушения Фань Сянь уничтожил двух женщин-убийц, которые, судя по данным Контрольной палаты, происходили из школы Сы Гуцзяня из города восточных варваров. Только непонятно, были ли они прямыми ученицами Су Гуцзяня или ученицами его учеников. В прошлом месяце я докладывал, что Сы Гуцзяня нет в городе восточных варваров. По моему мнению, этот фанатик боя на мечах находится в государстве Цин.

Император медленно прикрыл глаза и ледяным тоном спросил:

— Почему тогда он не пошёл убивать сына семьи Фань, а разыскал У Боаня?

— Всем известно, что Сы Гуцзянь — фанатик боя на мечах, его ученицы, пытаясь тайно убить человека, оказались убиты сами, возможно, что он восхищается мастерством противника и не хочет мстить. Но он терпеть не может коварных интриганов-советников и строго запретил ученикам вовлекаться в политическую борьбу. Если бы У Боань не посулил им выгоду и не подговорил этих девушек-убийц, то они бы не умерли. Возможно, по его мнению, отомстить следовало именно У Боаню, — спокойно наплёл с три короба Чэнь Пинпин, не моргнув и глазом.

Через какое-то время в комнате раздался суровый голос императора:

— Начальник столичной управы Мэй Чжили признаётся виновным, в наказание будет лишён жалования и понижен в должности сроком на год. Контрольная палата должна провести проверку в управлении городского патруля. Отстранить Цзяо Цзыхэна от должности в городском патруле, министерству наказаний продолжить расследовать зацепки в этом деле. После получения результатов выпустить высочайший указ о выдаче основных преступников из города восточных варваров и проследить за выполнением.

Договорив, он подошёл к Линь Жофу и сказал несколько утешительных слов, а затем покинул комнату.

После того как министры разошлись, дворцовая служанка подошла, чтобы завезти кресло Чэнь Пинпина во внутренние комнаты. Министры не удивились этому, они не раз мечтали, что однажды тоже смогут пользоваться такой же благосклонностью императора, как Чэнь Пинпин. Только поэтому они в любом деле всегда крепко держались вместе, чтобы противостоять мощи Контрольной палаты, что было равноценно противостоянию людям императора. Таковы были традиции, сложившиеся в среде чиновников, начиная со времён образования государства Цин. Они уже глубоко укоренились в их сознании, так что от них уже невозможно было отказаться.

Министры даже язвительно считали, что император настолько доверяет Чэнь Пинпину только потому, что этот бешеный пёс действительно парализован и бездетен.

В тихих внутренних покоях дворца, где не было ни евнухов, ни служанок, друг напротив друга сидели только император и Чэнь Пинпин.

Император сделал глоток чая, и, возможно, решив, что температура чая не подходящая, нахмурился и внезапно швырнул чашку на пол перед креслом Чэнь Пинпина. С треском чашка разлетелась на множество осколков, а чай замочил низ штанов Чэнь Пинпина. Но поскольку тот был парализован, то был не в состоянии увернуться. По сравнению с тем, что было в комнате с министрами, голос императора теперь казался особенно холодным и угнетающим:

— Сы Гуцзянь? А не слишком ли это?

Чэнь Пинпин, казалось, даже глазом не моргнул, и с лёгкой улыбкой очень почтительно ответил:

— Подданный не смеет скрывать от императора, эти сквозные раны вызывают сильное недоумение, в этом вопросе министерство наказаний и Контрольная палата единомышленны.

Император чуть улыбнулся и посмотрел ему в глаза, вдруг в его взгляде промелькнуло что-то странное, и он резко спросил:

— Правда ли, что старина У в столице?

Чэнь Пинпин медленно поднял голову, его губы приоткрылись, и только через долгое время он сказал:

— Всё верно, господин У сейчас в столице.

Император с усталым видом потёр переносицу и с прохладцей сказал:

— В конце концов, сколько всего ты ещё от меня скрываешь? — потом он со вздохом добавил: — Ладно, раз уж ты от меня решился скрыть, то точно скроешь и от всех на свете. Не нужно никому знать о существовании У Чжу.

<http://tl.rulate.ru/book/96718/1555648>